
Огонь
Михаил Градов

Михаил Градов
Огонь

https://litres.ru/73972331
SelfPub; 2026

Аннотация

Кем они были в мирной жизни? Успешный московский адвокат, «решавший» вопросы и потерявший контроль над собой. Опытный спецназовец, получивший судимость по нелепой случайности. Интеллигентный парень из Казани, мечтавший о музыке, и строитель, чей отец остался по ту сторону баррикад.

Война подстригла их под одну гребенку, превратив в единый организм - штурмовую группу гвардейского мотострелкового полка Вооружённых сил Российской Федерации.

У них нет времени на лирику, ведь за каждым углом их ждет смертельный экзамен. Но даже среди адского оркестра разрывов и потерь они умудряются сохранить то, ради чего стоит жить. Смогут ли вчерашние гражданские ребята и стоящие с ними бок о бок бывалые воины прорвать оборону противника, спасти мирных жителей и вернуться домой? И главное - какую цену придется заплатить за право сказать: «Мы своих не бросаем»?

Михаил Градов
Огонь

ОГОНЬ

Отцу посвящаю.

Глава 1

Бой шёл не как в кино. Там война всегда красивая, романтичная, чёткая и под героическую музыку. Здесь же всё было стихийно, как попало, под крики и отборный русский мат – он звучал по обе стороны фронта. Свист пуль, грохот разрывов, треск автоматов сливались в единый адский оркестр. Было непонятно, откуда стреляют, где грохочет и куда надо бежать. И всё это не от неумения воевать, а потому война всегда такая.

– Не бздим, воины! Шире шаг! – по-отечески рявкнул командир штурмовой группы, мощный старший прапорщик из бывших «вагнеров». Его голос утонул в стрекотании автоматов и разрывах мин. Бойцы проходили через жиденькую лесополосу. Не то лес, не то степь.

«Лесостепь» – вспомнился Володе, одному из штурмовиков, дурацкий термин откуда-то из учебника географии для учащихся 7-х классов. Володя Легошин – друзья звали его

просто «Рыжий» – воевал не так давно, всего четыре месяца. Конопатое лицо Володи никогда не было серьёзным. На нём всегда светилась веселая ухмылка.

Над головой зашумело, сверху появилось огромное туловище штурмового вертолета. Володя посмотрел наверх голубыми, как весеннее небо, глазами и подумал: «Змей Горыныч прилетел, сейчас будет противника поджаривать». Подумал и удивился тому, что в такой момент он занимается художественными сравнениями.

Змей Горыныч резал воздух лопастями, как крыльями. Осматривался. Осмотрелся и вдруг как ухнул: «БАХ!». Выпущенная из вертолёта ракета в щепки разнесла вражеские позиции. Земля горела, детонировали боеприпасы, всё живое распадалось на молекулы. Горыныч оценил результат, приподнял хвост и, довольный, улетел на базу в тридевятое царство.

Штурмовали батальонный опорный пункт.

– А-а-а-а-а-а-а-а! – истошно кричал пулемётчик, тщедушный мужичок лет сорока пяти. Он оборонял «опорник» и пытался косить очередями наступавших россиян. Ещё вчера пулемётчик работал мастером в автосервисе, а теперь он был здесь, и каска сидела на его голове, как нелепый набалдашник. В крике пулемётчика смешались страх, обида, отчаяние.

Весна запаздывала, было промозгло и зябко, но воздух над пулемётом плавился, как это бывает летним днём в афри-

канской пустыне. Оружие чадило, ствол раскалился докрасна. Патроны заканчивались. Впереди, в серой пелене дыма, мелькали фигуры.

Пулемётчик чувствовал, как пот заливает глаза, как дрожит подбородок, но продолжал стрелять. «Только бы продержаться… только бы продержаться…» – билась в голове единственная мысль.

Опорный пункт обошли с флангов. Тщедушный защитник так и остался сидеть за пулемётом – голова нелепо наклонена, изо рта тонкой струёй течёт кровь. Его крик оборвался навсегда. Серая пелена дыма медленно оседала, скрывая последние следы отчаянного сопротивления.

Вблизи раздалось ещё несколько одиночных выстрелов, и бой окончательно затих. Природа, словно не замечая происходящего, пробуждалась. Живописный вид на один из притоков Днепра мог бы стать источником вдохновения для художника, если бы не разбросанные повсюду тела. Они были на одно лицо. Единственной отличительной чертой погибших были изоленты на локтях. Синие у одних, белые у других.

Комбат, молодой майор, стоял рядом с подавленной пулемётной точкой и докладывал командованию по радиостанции.

– Товарищ полковник! Боевая задача выполнена. Батальонный опорный пункт противника взят. Враг оборонялся силами до двух ротных групп, ориентировочно двести чело-

век. Был подавлен огнём, часть укров уничтожена, часть отступила. Убито до ста двадцати боевиков, взято в плен тридцать пять, в том числе три младших офицера.

– Наши потери, Сарычев?

– Шесть «двухсотых», пятнадцать «трёхсотых», товарищ полковник.

– Больше двадцати человек?! Ясно... Закрепляйтесь и отдыхайте. Следующий доклад завтра в 8 утра. До связи.

Бойцы начали осматривать позиции противника, проверяя каждый уголок. Земля ещё хранила следы недавнего боя – выжженная трава, воронки от снарядов, искорёженная техника.

Солдаты закреплялись на захваченных рубежах, устанавливали заграждения, организовывали систему огня. Каждый понимал – победа здесь не означает окончания войны. Война продолжалась, и впереди ждали новые испытания.

Глава 2

Расположились в одном из корпусов заброшенного пансионата, расстелив туристические коврики в холле первого этажа. Большинство уснуло, но Рыжего сон никак не брал – мысли терзали его разум, не давая покоя.

В прошлой жизни Володя был совсем другим человеком. Родители ушли рано и глупо. Сначала отца сбил пьяный водитель, потом мама, никогда не жалуясь на сердце, в 43 года умерла от инфаркта. Вову воспитала бабушка – дочка крас-

ного командира. Крикливая, но справедливая.

Окончил юридический факультет, защитил кандидатскую диссертацию. Потом стал адвокатом, занимался в основном уголовными делами. Подвешенный язык помогал вытаскивать клиентов из самых глухих тупиков. Что говорить, дело было не только в велеречивости – Володя откровенно «заносил» в суд, прокуратуру и следствие.

Клиенты были довольны, часто платили хорошо. К тридцати пяти годам он многого добился: его знали на «рынке», была квартира в престижном ЖК и дорогой китайский внедорожник. В личной жизни тоже был порядок – Вова жил с девушкой Мариной, которую искренне любил.

Но один роковой день перевернул всё. Однажды вечером после ссоры с Мариной Володя попал на вечеринку к бывшему клиенту. Володя так обдолбался травой и выпивкой, что дальше в голове была только чёрная пустота.

Он не помнил, как шёл по улице, как ноги сами привели его к круглосуточному продуктовому магазину. Время было позднее, людей в магазине всего-то было три покупателя и дежурный кассир. Этого хватило.

Пройдя вглубь торгового зала, Володя остановился у касс, выхватил травматический пистолет и заорал чужим голосом какую-то полнейшую ахинею: «Всем оставаться на местах! Это теракт!».

Он не хотел никому навредить – ему просто было надо, чтобы его услышали, заметили, пожалели… Но мир уже за-

крутился в каком-то безумном вихре: сирены, переговоры по громкоговорителю, требование сдаться.

А потом – следователь, предложение: «Или срок, или СВО. Выбор за тобой». И он выбрал СВО. Не из патриотизма, не из чувства долга. Просто потому, что тюрьма пугала его больше.

– Не спишь, Рыжий? – хриплый голос вырвал Володю из воспоминаний. Над ним стоял старший прапорщик Грязнов, командир штурмовой группы. – Вижу, гложет тебя что-то, – сказал Грязнов и присел рядом.

– Да так… О жизни думаю. О том, как всё нелепо получается. Был адвокатом, а теперь…

– А я был слесарем на заводе, – усмехнулся прапор, – потом армия, спецназ ГРУ. Потом работал в охране, потом… Да какая разница, кем был? Здесь мы все одинаковые. Война всех под одну гребёнку стрижёт. Главное – в бою не подведи. Остальное – лирика.

Грязнов поднялся.

– Ладно, давай спать. Завтра будет тяжёлый день. И запомни: здесь ты среди своих. А мы своих не бросаем.

С этими словами командир ушёл, оставив Володю наедине с мыслями. Но впервые за долгое время Рыжему стало легче, его терзания поутихли, и вскоре он погрузился в сон.

Глава 3

Часть, где служил Володя, наступала на областной центр с южного направления. В бинокли уже просматривались унылые панельные многоэтажки микрорайона «Первомайский». Они возвышались за окружной дорогой, словно призраки недавнего мирного времени. Впереди лежал город, чьё население до войны превышало семьсот тысяч человек. Его предстояло взять.

Утро выдалось туманным. Густая дымка стелилась по земле, цеплялась за брошенные машины, скользила вверх по кронам деревьев к разрушенным фасадам домов. Видимость – метров двадцать, не больше. Идеальное прикрытие.

Грязнов построил штурмовую группу в одну шеренгу. Его простуженный голос резал тишину.

– В тумане – наше преимущество, – сказал старший прапорщик своим вечно простуженным голосом и откашлялся. – Подойдём вплотную, пока они не раздуплились. Разбиваемся на тройки. Рыжий, ты со мной. Проходим дорогу, дальше двигаемся вдоль гаражей и закрепляемся в двух башнях у сквера. Вопросы?

– Никак нет!

– Разойдись.

Штурмовики молча проверяли оружие, заправлялись, прятали фляги – чтобы не звенели. Володя вдохнул промозглый воздух и почувствовал, как привычная ухмылка сползла с лица. Вместо неё была холодная сосредоточенность.

Грязнов сплюнул на пол и коротко бросил: «Пошли».

Они продвигались вперёд, прижимаясь к стенам домов и построек, перебегая от укрытия к укрытию. Звуки тонули в тумане, как в молоке, но Володя слышал своё сердцебиение и прерывистое дыхание товарищей. Где-то впереди застучал пулемёт, раздались автоматные очереди.

– Начинается, – пробормотал Грязнов. Его бугристое толстокожее лицо на мгновение исказилось то ли от недовольства, то ли решимости. – Группа, к бою!

У заброшенного супермаркета на них выскочили трое в камуфляже, с синими повязками. Раздался выстрел. Одного из штурмовиков, сержанта Горюнова, чиркнуло по ноге. Он упал на землю и схватился за бедро.

– Огонь! – заорал Грязнов.

Завязалась перестрелка. Володя укрылся за бетонным блоком, короткими очередями отвечая на выстрелы противника. По асфальту застучали армейские ботинки – это один из противников решил их обойти. Володя бросил гранату, взрыв разметал обломки по двору.

– Отходим к гаражам! – Грязнов махнул рукой в направлении ржавых боков. – Семенюк, Мустафин – забирайте раненого!

В узком проходе между гаражами смогли перегруппироваться.

– Товарищ сержант, как нога? – спросил Володя Горюнова

– Жить буду.

– Перевяжи его, – приказал Грязнов Володе.

Володя стал бинтовать ногу сержанта. Где-то неподалёку началась пальба.

Грязнов присел, облокотившись спиной на гараж.

– Мужики, времени нет. Отсюда до башен метров триста открытого пространства. Разделимся. Я, Рыжий и Лис пойдём вдоль забора школы. Семенюк, Мустафин, Карпович – двигайтесь по центру улицы. Горюнов и Шкет – прорывайтесь по правой стороне, через детскую площадку. По моей команде уходим. Готовы?

Все молча кивнули.

– Пошли! – Грязнов первым выскочил из укрытия и сразу же в упор расстрелял одного из бойцов противника.

Они бежали, падали, снова вскакивали, стреляли на ходу. Пули свистели над головой. Володя, пригибаясь, мчался следом за командиром к единственному подъезду левой башни.

Добежав до здания, ворвались внутрь.

– Зачищаем каждую квартиру, ищем огневые точки! – крикнул командир.

Дверь одной из квартир была выбита. Грязнов осторожно приближался, держа автомат наготове. Внезапно из дверного проёма выскочил огромный детина с перекошенным от ярости лицом, и ударом ноги выбил магазин из автомата командира. Грязнов отшатнулся, но нападавший уже перешёл в атаку. Мощный удар ногой в корпус заставил прапорщика отступить.

Началась схватка. Грязнов, несмотря на преимущество

врага в весе, пытался использовать свою ловкость. Они сцепились в смертельном объятии – громила давил массой, а командир группы работал на технике.

В какой-то момент противник сумел повалить Грязнова на пол. Тяжелое тело навалилось сверху, воздух выбило из лёгких. В руках напавшего сверкнул армейский нож, лезвие замерло в нескольких сантиметрах от лица командира, готовое проткнуть глазницу.

«Отвоевался, Санёк. Как же глупо…» – успел подумать Грязнов, и тут прозвучал выстрел. Нож выпал из руки его противника, который захрипел и обмяк.

– Рыжий, ты? Спасибо, я твой должник, – сказал старший прапорщик, спихивая с себя грузного врага.

Наверху обнаружили огневую точку. На позиции были двое молодых парней и пожилой мужчина, уставшие и потерянные.

– Стоять! Оружие на пол! – Володя шагнул вперёд. Троица не подчинилась, все дружно уставились на Рыжего.

– Я говорю, бросайте оружие! – сказал Володя твёрдым голосом, не терпящим возражений.

После короткой паузы старший медленно поднял руки. За ним последовали и остальные. Их оружие со стуком упало на пол.

Грязнов подошёл, окинул взглядом пленных.

– Обыскать, разоружить. Закрепляемся здесь и готовимся идти дальше.

Потом посмотрел на Володю и добавил:

– А ты в порядке, Рыжий. Спасибо, ты мне жизнь спас. Не подвёл.

Лис и Мустафин профессионально обыскали пленных. Забрали не только оружие, но и личные вещи, которые могли быть использованы как средства связи или для побега. Каждому связали руки.

– Строиться! – скомандовал Грязнов. – Двигаемся к точке сбора. Рыжий, ты замыкающий, следишь за пленными.

Володя занял позицию в конце колонны. Двое молодых парней шли впереди, низко опустив головы. Пожилой мужчина шагал с прямой спиной, изредка исподлобья посматривая по сторонам.

– Не дёргаться, – негромко предупредил Володя, держа их на прицеле автомата. – Любое резкое движение – и я стреляю без предупреждения.

Пленные молча подчинялись, понимая серьёзность положения. Спускаясь по лестнице, штурмовики внимательно осматривали каждый этаж, готовые к любым неожиданностям. В точке сбора пленных передали специальной группе для дальнейшей эвакуации.

Володя смотрел на то, как уводят этих троих, затем присел на землю. В его душе боролись противоречивые чувства: облегчение от завершённой задачи, сочувствие к людям, оказавшимся в этой ситуации. А ещё было удовлетворение. То, что испытывает хищник после доброй охоты.

Глава 4

Дали несколько дней отдыха. В одно утро группа стояла на крыше той самой жилой башни. Туман рассеялся, и с высоты открывался вид на ещё недавно красивый яркий город. Сейчас он был безлюдным, частично разрушенным, но всё так же утопал в зелени. Слева была величественная река и силуэт моста, справа – огромная промзона.

Шкет, самый молодой из бойцов, смотрел на панораму города и что-то напевал на родном языке. Бурят Лис перебирал буддийские чётки и долго смотрел на южный профиль Шкета. Наконец решил спросить.

– Шкет, ты же войну не застал? – спросил Лис.

– Какую ещё войну?

– Ну как какую! Две войны. У вас там сначала Джохар был, потом вообще непонятно кто… Тоже всю Чечню раскурочили, зато теперь кругом красота и чистота. Я бы съездил к вам, когда здесь всех добьём, – мечтательно сказал Лис.

– Да ты чего, мне же только девятнадцать. Родители рассказывали, как тогда народ дурили, против России настраивали. А потом вот это всё началась, у меня сразу брат ушёл и погиб в первые недели. Я за него мстить пришёл. У нас так положено.

Полевая радиостанция зашипела, из неё раздался голос комбата.

– Грязнов! Это Сарычев. Вы где есть?

– На крыше башни, товарищ майор.

– Вы чё, Карлсоны что ли?

– Никак нет, на местности осматриваемся. Отсюда всё видно.

– Ладно, фрекен Бок. Ты, кстати, тоже большой и злой. Через пятнадцать минут подъеду. Есть задача.

Рядом с Грязновым стоял Володя Легошин. Долго молчал, потом наконец заговорил.

– Товарищ старший прапорщик, разрешите обратиться?

– Обращайся, Рыжий.

– За что Вы сидели?

– А тебя парит? – без особой злобы ответил Грязнов вопросом на вопрос.

– Можете не говорить, если не хотите, – сказал Володя.

– Дурак был молодой, потому и сел. Причинение смерти по неосторожности. Война, Рыжий, как зона: слабых съедает, сильных закаляет.

– А семья у Вас есть? Или может раньше была?

– Семья – это когда тебя ждут, – Грязнов сощурился, как будто вспомнил о ком-то далёком. – А меня никто не ждёт. И это хорошо. Меньше страха, меньше слабости. Моя семья – вот эти люди рядом.

Появился комбат, с ним были ещё два офицера из штаба полка.

– Становись! – скомандовал Грязнов.

Бойцы стали выстраиваться в линию, но Сарычев прервал этот процесс: «Вольно, не на параде». После этого он заговорил.

– Наш батальон должен с боями прорваться в центр города и занять здание областной государственной администрации. Это дальнейшая задача. А ближайшая – зачистить этот район. Видите школу? – спросил Сарычев и показал рукой на белое типовое здание.

– Так точно, товарищ майор, видим, – ответил Грязнов и еще два-три бойца. Остальные молча смотрели на растянувшуюся «самолётиком» школу. Если не все, то большая часть бойцов учились в таких же.

– По данным разведки, там скопление сил противника. Плюс они собрали людей в актовом зале и держат их там, как живой щит. Школу будем зачищать силами четырёх штурмовых групп, включая вашу.

Вы заходите через центральный вход, группы Воронова и Захарчука – слева и справа соответственно. Воронов будет создавать видимость главного удара, Захарчук – прикрывать огнём. Группа Аракеляна – в резерве. Координировать действия будете по радио…

Сарычев давал ещё какие-то вводные, доводил порядок штурма с учётом результатов работы разведгрупп и БПЛА. Передал поэтажный план школы. Закончил, оглядел бойцов. Невольно удивился, насколько разные люди собрались в группе Грязнова.

– Время Ч – завтра, семь часов ноль минут. Получите усиленный боекомплект. Вопросы?

– Никак нет!

– Всё. Доклад завтра в семь утра, далее каждый час. С Богом, мужики, – сказал Сарычев и ушёл вместе со штабными.

Перед отбоем Грязнов собрал группу на совещание.

– Слушайте сюда, – начал он, прокашлявшись. – Завтра в семь идём на школу. Задача ясна – зачистить здание, освободить мирняк. Я, Рыжий и Лис идут в первой группе, дальше – Семенюк, Мустафин и Карпович. Горюнов и Шкет в арьергарде.

Командир оглядел бойцов и продолжил.

– Перед школой есть недострой. Противника там нет, в нём будут на позициях наши гранатомётчики. Пройдём территорию, у бетонного забора перегруппируемся – через дорогу будет школа. В самой школе дрон заснял пулемётное гнездо. Но это всё не главное. Главное – это то, что мы не просто зачищаем здание. Там люди, которых надо спасти.

Грязнов договорил. Вопросов, как обычно, не было. Бойцы разошлись по местам. Каждый занялся своим делом: кто-то чистил автомат, кто-то проверял магазины, кто-то просто сидел, собираясь с мыслями перед денним днём.

– Коль, а ты же здешний? – спросил Семенюка Равиль Мустафин. В бою Грязнов постоянно ставил их вместе, но до разговоров по душам как-то не доходило.

– Я из Днепропетровска, это тут недалеко – Семенюк по-

казал рукой куда-то в сторону, через стену. Километров восемьдесят по шоссе. У нас тут рядом дача была. В детстве за час доезжали, и то не гнали особо.

– А в Россию давно переехал?

– Мать с отцом развелись, мне 13 лет было. Она через полгода опять замуж вышла, мы в Ростов-на-Дону переехали. Отчим у меня нормальный, всю жизнь ментом работал, опером на земле лямку тянул. Сейчас на пенсии. Я в Ростове школу закончил, потом строительный институт. Женился.

Не склонный откровенничать Семенюк ненадолго замолчал, опустил голову вниз, слегка ударил себя кулаком по ноге и продолжил.

– Работал в строительной компании, много чего строили: жильё, офисы. А потом ни с того, ни с сего наш учредитель решил всех кинуть. Утащил деньги с баланса и уехал за бугор. Мы все разошлись кто куда. Меня звали в другую контору работать, а я что-то решил сюда, на контракт. На стройке одни разгильдяи да жульё, а на войне всё просто и понятно.

– Родные-то остались здесь? – продолжил разговор Равиль.

– Да какие они мне родные... Отец сказал, что москаль ему не сын. А так у меня и сводный братишка был, и дед с бабушкой. Хрен знает – может сейчас друг в друга стреляем…

Мустафин сочувственно смотрел на Семенюка добрыми карими глазами. Жизнь его, Мустафина, была куда более линейной, и с такими перипетиями он не сталкивался.

– Слушай, Рав, давай уже завтра потрещим. Спи. Утром в бой.

Глава 5

Рассвет окрашивал небо в розовые и золотистые тона, предвещая начало нового дня. Штурмовая группа, крадучись, плыла через пустынный город.

Грязнов шёл впереди и профессиональным взглядом, внимательно осматривал каждый угол, каждую тень. Он видел и африканские деревни, и полыхающий Славянск, и руины Пальмиры, и страшный Бахмут… Страны разные, люди разные. Но неписанные законы и закономерности войны, а ещё боль и смерть везде были одни и те же.

Рыжий нёс радиостанцию и старался двигаться как можно тише. Антенна поскрипывала при каждом шаге, и он то и дело поправлял её, чтобы не цеплялась за разрушенные конструкции. В рации изредка потрескивали помехи, но сейчас их не было – Сарычев приказал соблюдать радиомолчание до подхода к школе.

Буддийские чётки Лиса тихо постукивали в такт шагам. За ним скользил Карпович. Семенюк и Мустафин держались вместе, как всегда, готовые прикрыть друг друга. Горюнов с перевязанной ногой старался не отставать, периодически поругиваясь от боли.

Шкет шёл замыкающим, его молодой взгляд скользил по

руинам. Трудно было осознать, что всего несколько месяцев назад здесь жили люди, ходили дети в школу, работали магазины.

Дошли до недостроя. Он встретил их зловещей тишиной, лужами и грязью. Рыжий крепче прижал к груди радиостанцию, чувствуя, как участился пульс. На другом конце был типовой бетонный забор с ромбиками, посреди плит – калитка.

– Быстро проходим, пошевеливайтесь – скомандовал Грязнов, пригибаясь к земле.

До забора добрались без потерь. Грязнов по-пластунски подполз к дыре в заборе, стал осматривать школу.

Вдруг раздался резкий звук, как плетью щёлкнули. С забора посыпалась бетонная крошка.

– Чёрт! – крикнул командир и метнулся в сторону. – Снайпер! Рыжий, связь с артой быстро! И пулемётное гнездо на втором этаже пусть снимут!

Володя торопливо настроил рацию, пальцы дрожали, но он справился.

– Центр, это «Хозяин»! Обнаружен снайпер на позиции! Плюс пулемётное гнездо на втором этаже!

В наушниках раздался голос командира гранатомётного взвода.

– Принято. Где «кукушка»?

– Равиль, работай тепловизором! – сказал Грязнов.

Музыкальные пальцы казанского интеллигента ловко пробежались по кнопкам прибора, сканируя верхние эта-

жи школы. Не отрываясь от тепловизора, он тихо произнёс: «Вижу движение… Третий этаж, северо-восточная часть. Какая-то муть у окна».

– Видим «кукушку», – доложил Рыжий в рацию. – Третий этаж, северо-восток.

Время казалось вечностью. Бойцы не видели, как на одном из этажей недостроя суетились гранатомётчики, настраивая АГС «Пламя». Наушники снова ожили, это был командир гранатомётчиков.

– Принято. Работаем.

Первый выстрел разорвал тишину. Граната ударила в стену чуть выше предполагаемой позиции. Снайпер попытался скрыться, но было поздно. Тепловизор чётко показывал его силуэт.

– Есть попадание! – раздался голос в наушниках.

Мустафин не отрывался от прибора.

– Подтверждаю. Цель уничтожена. Наблюдаю падение тела.

Грохот повторился снова. Пулемётная точка тоже была подавлена огнём.

– Артиллерия – бог войны, млять…– сказал Грязнов, когда разрывы умолкли. – А ведь сняла бы меня эта кукушка через дырку, лежал бы сейчас тут, под камнем…

Глава 6

Подход к школе был расчищен.

– Рыжий, дай мне Воронова, Захарчука и Аракеляна.

Володя настроил радиостанцию. Грязнов взял наушники. Кратко обменялись условными сигналами.

– «Хозяин» вызывает «Птицу», «Захара» и «Арарат». «Хозяин» в домике.

– «Птица» на ветке.

– «Захар» в порядке.

– «Арарат» в Турции, дорогой.

Первой в бой вступила группа Воронова. Они открыли огонь на левом фланге. На школьном дворе стали раздаваться какие-то крики, команды, но их оборвал взрыв гранаты, брошенной кем-то из группы.

В унисон с «Птицей» где-то справа заговорили автоматы штурмовиков Захарчука. Огонь был не такой интенсивный, как у Воронова – задачей Захарчука было прикрыть проход в здание группы Грязнова.

– Вперёд, воины! – прокричал он.

Бойцы ворвались в школу. Двигались осторожно, прикрывая друг-друга, методично зачищая кабинет за кабинетом.

Когда они проходили мимо столовой, внезапно раздался истошный крик.

– Здохнить, курвы!

Из дверного проема вылетела граната. Взрывная волна ударила по замкнутому пространству и сбила с ног Карповича. Следом за гранатой выскочил человек в камуфляже, ко-

торого расстрелял на месте Лис.

Карпович лежал на полу бледный, как полотно. В ушах стоял звон, перед глазами плыли красные круги. Правое колено бойца было разворочено. Половины ноги не было.

«Держись, брат» – услышал Карпович голос Лиса сквозь шум в голове. Он действовал механически, словно на тренировке: жгут, перевязка, проверка пульса. Вколол обезболивающее.

– Товарищ майор, у нас тяжёлый «трёхсотый». Первый этаж, левое крыло, у столовой. Нужна эвакуация, – связался Грязнов по радио с Сарычевым.

Ответ не заставил себя ждать.

– Раненого вытащим. Продолжайте штурм.

– Лис, останься с Карповичем, – отдал приказ Грязнов. Остальные – за мной.

Лис не отходил от раненого ни на шаг, периодически проверяя его состояние. Наконец, появилась медицинская группа. Два санитара, пригнувшись, пробирались через коридор. Один из них, смуглолицый парень, не то бурят, не то тувинец, быстро оценил ситуацию.

– Хорошая работа, земеля. Жгут наложен правильно.

Санитары аккуратно уложили Карповича на носилки, укрыли теплоизолирующим одеялом.

– Поехали, – скомандовал старший медик. – Время – жизнь.

Группу эвакуации прикрывали огнём бойцы Воронова и

Захарчука. Носилки с Карповичем осторожно вынесли через центральный вход, где уже ждал бронетранспортёр с красным крестом на корпусе. После быстрой погрузки машина тронулась, увозя Карповича в безопасное место.

Тем временем, группа Грязнова достигла актового зала. Дверь была приоткрыта, изнутри доносились приглушённые голоса и плач.

– Вы окружены! Сдавайтесь! – громко крикнул Грязнов.

Из-за двери послышалась возня, затем раздался женский голос:

– Спасите нас! Мы здесь одни!

Дверь медленно открылась, и перед бойцами предстала страшная картина. В зале сидело около пятидесяти человек: женщины, старики, дети. Боевиков не было.

Грязнов вошёл в зал, держа оружие наготове.

– Всем оставаться на местах! Мы русские военные! Вы в безопасности!

Бойцы начали выводить людей из зала, проверяя каждый угол. Когда почти никого не осталось, Рыжий увидел, что к нему идёт мальчик лет десяти.

Мальчик был особенным – его руки двигались в странном, только ему понятном ритме, а походка была неровной, танцующей. Но глаза… В них читался недетский ум и поразительная ясность.

– Ты как, друг? – спросил Володя, когда парень подошёл близко.

– Вы… правда русские? – тихо произнёс он. – Убивать нас будете?

Рыжий почувствовал, как к горлу подступил ком. Эти слова ударили по его сердцу сильнее любой пули.

– Что ты… Мы пришли помочь. Всё уже кончилось.

Мальчик смотрел на Володю, словно взвешивал сказанное.

– Нас держали здесь три дня… говорили, что от вас… защищают, – в этих словах была горькая ирония.

Володя присел, опершись на наколенник, и оказался на одном уровне с мальчиком.

– Погоди-ка… – Володя потянул за край липучки и с хрустом сорвал с плеча полковой шеврон. На черном сукне тускло поблескивал золотом Георгий Победоносец, пронзающий копьем змея – эмблема их полка. Он вложил его в ладошку паренька

– Держи, дорогой. На память. Не все войны кончаются плохо. Своих не бросаем.

Мальчик неуклюже взял сувенир.

– Спасибо… я всегда знал, что русские – добрые… вы всех спасли… и маму… и бабушку… – сказал мальчик и, несмотря на болезнь, попытался поклониться Рыжему.

Подошёл Грязнов.

– Рыж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.